

Белый медведь занесен в Красную книгу МСОП, охота на него на территории России официально запрещена, и вместе с тем, на Арктическом побережье Чукотки нет ни одного национального села, где бы этот запрет соблюдался. Но справедливо ли возлагать всю вину за нарушение существующего законодательства на коренное население? И можно ли спасти белого медведя, используя традиционный путь ужесточения наказания за незаконную добычу, или здесь нужны иные подходы?

Охота, которой нет

В 1956 г. постановлением Совета Министров РСФСР «Об охране животных Арктики» был введен полный запрет на добычу белого медведя в России. Причиной принятия столь строгих мер явилось катастрофическое снижение численности этого зверя в результате широкомасштабного промысла, начавшегося с освоением советских арктических территорий. Чтобы представить себе размах этого промысла в 1930—1950-х годах, достаточно внимательно прочесть какую-нибудь из книг, написанных ветеранами освоения Арктики. В те годы ни один уважающий себя полярник не уезжал со станции без медвежьей шкуры, с судов по медведям с азартом палили моряки, а коренные народы Севера, объединенные в колхозы и совхозы, активно выполняли социалистические обязательства по заготовке мехового сырья. Не секрет, что доходы от продажи медвежьих и песцовых шкур во многом окупали организацию новых полярных станций и арктических экспедиций.

Абсолютный запрет охоты на белого медведя оказался достаточно эффективным. К середине 80-х годов численность белых медведей в российской Арктике возросла. Особенно это касается Чукотского моря и пограничных с ним акваторий Восточно-Сибирского и Берингова морей, где обитает самая большая по численности чукотско-аляскинская популяция, насчитывающая от 3 до 5 тыс. зверей. (Надо отметить, что поскольку методически безукоризненных учетов на Чукотке никогда не проводилось, эта цифра является результатом так называемой «экспертной оценки» и вряд ли отражает истинный размер популяции.)

Такова в общем-то оптимистическая предыстория вопроса. Но жизнь не стоит на месте, и настала пора разобраться, что же происходит с белым медведем сейчас, в начале нового столетия.

Я живу и работаю на Чукотке более 20 лет и имею возможность проследить развитие взаимоотношений человека и белого медведя на протяжении этого времени. В 80-х годах ситуация не вызывала опасений, несмотря на то что во многих поселках охотники втихаря ежегодно добывали единичных зверей, а медвежат регулярно отлавливали для зоопарков. В условиях относительно высокого уровня жизни населения Чукотки и развитой инфраструктуры северных территорий, поддерживавшихся с помощью государственных дотаций, нелегальная охота на белого медведя не являлась насущной необходимостью для чукчей и эскимосов в плане питания и материального достатка. Достаточно эффективной была и деятельность охот- и рыбинспекций.

Начавшаяся в конце 80-х годов перестройка в России, сопровождавшаяся экономическим кризисом, привела к деградации природоохранной деятельности, а коренное население Чукотки было поставлено на грань выживания. Основой питания чукчей и эскимосов вновь, как и столетие назад, стали объекты дикой природы, и в первую очередь морские млекопитающие. В этот период я работал в заповеднике «Остров Врангеля» и на себе испытал «прелести» жизни в маленьком уединенном селе в новых экономических условиях. Хотя работники заповедника практически не контактировали с жителями национальных сел материковой Чукотки, уже тогда по отрывочным слухам мы предполагали расширение нелегальной охоты на белых медведей. Тем не менее обилие медведей в их признанном «родильном доме» создавало впечатление, что чрезмерной нагрузки на популяцию эта охота не оказывает.

В 1999 г. я возобновил исследования на материке и к настоящему времени побывал в большинстве береговых сел Чукотки. В результате доверительных бесед со знакомыми охотниками я постепенно стал сознавать истинный размах современного промысла белого медведя. Чтобы попытаться оценить размер ежегодной добычи, я в течение нескольких лет интервьюировал охотников из разных сел. Эта работа была выполнена в рамках проектов «Традиционные знания коренных народов Чукотки о белом медведе и среде его обитания» и «Белый медведь в материальной и духовной культуре коренных народов Чукотки», которые проводились Чукотской ассоциацией зверобоев и традиционной охоты (ЧАЗТО) в сотрудничестве с Аляскинской Комиссией по белому медведю «Нануук» при поддержке Службы национальных парков США.

В ходе интервью я просил охотника приблизительно оценить ежегодную добычу белых медведей в родном селе за последние 5 лет. Если охотник затруднялся с ответом, то я просил его назвать примерное число добытых в селе медведей в самые неудачные и наиболее «урожайные» годы. Некоторые охотники отказывались отвечать на этот «провокационный» вопрос, особенно если не были знакомы со мной ранее. Тем не менее к 2003 г. мне удалось получить достаточную информацию от 32 охотников из 16 национальных сел Чукотки. В трех селах я смог получить более точные данные за

несколько лет, из которых можно составить некоторое представление о половозрастном составе добытых медведей, сезонной и межгодовой динамике промысла.

Формат интервью также включал в себя целый ряд вопросов, непосредственно связанных с промыслом: методы охоты и разделки, использование и обработка разных частей добытого медведя, способы реализации шкуры и ценовой диапазон на них, обряды и поверья, связанные с охотой на белого медведя, и т.д. Кроме того, охотникам предлагалось высказать свое мнение по поводу современного состояния популяции, а также использования и охраны белых медведей. Такая информация была получена от 53 человек из 20 населенных пунктов. Наконец, во время экспедиций мне самому довелось наблюдать, как происходит охота на белого медведя и используется добытая продукция в некоторых селах Чукотки. Синтез всей полученной информации позволил получить достаточно полную картину развития промысла белого медведя на Чукотке.

Итак, коренные жители в небольшом количестве продолжали добывать белых медведей в течение всего периода запрета на охоту вплоть до начала 90-х годов. В некоторых селах их перестали добывать совсем, в других — добывали от 1 до 5 особей в год. Охотники шли на нарушение запрета не из желания заполучить и продать шкуру, так как выделывать, хранить и сбыть ее, не привлекая внимания односельчан, было задачей не из легких. Главным стимулом было мясо, которое издревле среди эскимосов и чукчей считается лакомством. Обычно белых медведей добывали с помощью собачьих упряжек или пешком на морском льду зимой и весной. Добычу разделывали, брали с собой мясо, сколько могли увезти на нарте, а шкуру разрезали на части и топили в трещине. Домой возвращались в темноте, чтобы никто не заметил. При такой скрытной добыче поймать охотника с поличным было практически невозможно, и все же некоторые попадались и платили штраф. Далеко не каждый охотник шел на такой риск, тем не менее почти все мои информаторы с детства знают вкус медвежьего мяса.

Расширение промысла белого медведя началось в 1991—1992 гг., когда охотники перестали получать зарплату, а снабжение боеприпасами, горюче-смазочными материалами, техникой и запчастями к ней было сведено к минимуму. Прокормить население охотой лишь на разрешенные виды морских млекопитающих (морж и тюлени) оказалось невозможным в большинстве национальных сел. Жители арктического побережья Чукотки могли достаточно сытно пережить зиму только в тех случаях, когда устраивали массовый забой копьями моржей на береговых лежбищах, которые те образуют во время осенних миграций (тоже, кстати, запрещенный способ охоты!). Однако эти лежбища функционируют лишь при отсутствии льдов осенью, то есть не ежегодно. Поэтому в годы с высоким уровнем ледовитости в некоторых селах во второй половине зимы наступал настоящий голод. Единственная крупная добыча, доступная охотникам в зимний период, — белый медведь, благо к началу 90-х годов его

численность была высокой, и любопытные звери часто заходили в поселки или к местам тюленьего промысла. Теперь их не отгоняли ракетницами и снегоходами, а сразу убивали и раздавали мясо родственникам и пенсионерам. Все это делалось уже вполне открыто с молчаливого согласия сельских администраторов, которые не могли накормить население другим путем. Охотинспекторов же в некоторых районах не было вообще, а там, где они были, то занимались собственным выживанием и, видя условия жизни коренных жителей, не чувствовали за собой морального права на репрессивные меры.

Ситуацией почти открытого промысла быстро воспользовались местные «бизнесмены» из пришлого населения, которые сумели найти способы вывоза шкур на «материк». Они ездили по удаленным селам, скупая медвежьи шкуры за бесценок, или же заказывали их знакомым охотникам. Теперь уже охотники не выбрасывали шкуры в море, так как они стали чуть ли ни единственным источником доходов.

По словам охотников, пик промысла пришелся на 1995—1999 гг., когда ни один белый медведь, встретившийся с вооруженным человеком, не уходил живым. Любую обнаруженную берлогу вскрывали, а находившуюся в ней медведицу убивали вместе с потомством. Один из информаторов назвал это время «дикими годами». На фоне остальных выделялся 1997 год, который охотники из разных сел северного побережья вспоминают как наиболее добычливый. Один из охотников сообщил, что в том году только в его родном селе было добыто 35 медведей и, зная уровень промысла в соседних селах, предположил, что по всей Чукотке в 1997 г. было добыто около 400 зверей. Я очень надеюсь, что он ошибается...

В 2000—2003 гг. объем медвежьего промысла на Чукотке, по-видимому, несколько сократился. В этот период на Чукотку пришел депутат, а ныне действующий губернатор — небезызвестный Р. А. Абрамович, вместе с которым появились деньги. Охотники вновь начали получать выплаты за каждого добытого кита, моржа и тюленя, а снабжение горючим и боеприпасами резко увеличилось. По словам моих информаторов, сейчас стреляют далеко не каждого белого медведя, а только при удобном случае, крупных, с чистой шкурой, ну и «когда медвежатинки захочется покушать». Самок с медвежатами-сеголетками стараются не трогать. Основной промысел базируется на крупных самцах (шкура большого размера), а также молодых одиночных зверях и самках с годовиками и двухгодовалыми медвежатами (нежное мясо и хорошее качество шкуры для одежды и подстилок).

Тем не менее размер промысла белого медведя на Чукотке остается очень большим.

Разные эксперты определяют ежегодную добычу от 40 до 250 особей, однако эти оценки по большей части умозрительны, так как в их основе нет планомерного сбора информации. Используя при расчетах материалы, собранные в ходе интервьюирования охотников, я получил следующую цифру: в 1999—2003 гг. в 20 национальных селах Чукотки ежегодно добывалось 180—284 белых медведя. Максимальное количество зверей (65 % от среднегодовой добычи) приходится на охотников, живущих на побережье Чукотского моря и пролива Лонга: промысел в одном поселке в «урожайный» год может достигать 50 особей. Меньше всего добывают медведей (от 1 до 15 на село) на побережье Анадырского залива и Восточно-Сибирского моря. Надо отметить, что в этот расчет были включены только национальные села, расположенные в пределах обычного распространения белого медведя на Чукотке, и в нем не отражена добыча зверей пограничниками, полярниками, старателями и другими категориями некоренных жителей, а также достаточно редкие случаи добычи белых медведей в национальных селах на юге Чукотки и в ее внутриконтинентальной части. Конечно, моя оценка может отличаться от реального размера промысла, однако на сегодняшний день она является наиболее обоснованной.

Столь высокому уровню нелегального промысла содействует и нынешняя гидрометеорологическая ситуация в восточной Арктике. На протяжении последних 15 лет в летне-осенний период кромка льдов в Чукотском и Восточно-Сибирском морях отступает далеко на север. Из-за этого многие медведи выходят на сушу еще в конце лета, а те, что проводили этот период во льдах, испытывают трудности с кормодобыванием (тюлени и моржи покидают льды после их отступления до акваторий с большими глубинами) и после замерзания моря тоже часто появляются на берегу в поисках пищи. Часто встречая и добывая белых медведей на побережье, большинство коренных жителей ошибочно считает, что численность зверя не меняется и даже увеличивается, поэтому у них не возникает никакого беспокойства по поводу состояния его популяции. Зверей отстреливают иной раз только потому, что они препятствуют выходу моржей на берег. Я был свидетелем, когда по этой причине в течение нескольких дней охотники застрелили четырех медведей в окрестностях одного из моржовых лежбищ. И застрелили бы еще, если бы не вмешательство членов нашей экспедиции.

Абсолютно ясно, что современный уровень промысла белого медведя на Чукотке чрезвычайно высок и может привести к быстрой деградации чукотско-аляскинской популяции. На Аляске в последнее десятилетие в среднем ежегодно добывалось 50 зверей (без учета промысла в море Бофорта). То есть в совокупности среднее ежегодное промысловое изъятие из популяции в настоящее время составляет около 280 особей. Специалисты Службы рыбы и дичи США на основе известных популяционных параметров создали математическую модель чукотско-аляскинской популяции белого медведя. Приняв за исходную численность популяции в 4 тыс. животных, они рассчитали, что при ежегодной добыче 180 особей (примерно таким был промысел на

Аляске до 1972 г.) для уничтожения популяции потребуются всего лишь 30 лет. При добыче же 280 медведей, учитывая, что такого уровня промысел достиг примерно в 1995 г., кризис может произойти уже лет через 10—15. Очевидно, что эта модель несколько механистична, упрощена и не учитывает ряд внешних воздействий, однако в наглядности ей не откажешь.

Охота, которая будет.

В настоящее время все, кто имеет какое-либо отношение к чукотскому белому медведю, будь то ученые, чиновники, политики, представители общественных экологических организаций и объединений коренных жителей, разделились на два условных «лагеря»: сторонники и противники легализации охоты на белого медведя для аборигенного населения Чукотки. Вопрос об открытии такой охоты дискутируется в течение всего последнего десятилетия. Главные доводы сторонников следующие: численность чукотско-аляскинской популяции восстановлена, охота на белого медведя является неотъемлемой частью традиционного природопользования коренных жителей, его мясо необходимо для полноценного питания, а продажа сувенирных изделий (прежде всего обработанных шкур) будет являться источником доходов. Противники отрицают роль белого медведя в традиционном природопользовании коренного населения, считают, что официальное открытие охоты приведет к быстрому уничтожению популяции, а для защиты медведя предлагают жесткую борьбу с браконьерством.

Попробуем разобраться, кто же из них прав.

Численность чукотско-аляскинской популяции белого медведя неизвестна. Та оценка (3—5 тыс. животных), которая принята среди специалистов и использована для моделирования популяции, является очень условной. В начале 1990-х гг. американскими исследователями была разработана методика учета медведей в осенний период на кромке льдов с использованием ледокольного судна и базирующихся на нем вертолетов. Апробация этого метода в море Бофорта показала высокую достоверность результатов, но для совместного учета в Чукотском и Восточно-Сибирском морях нужны значительные денежные средства, найти которые пока не удастся. А ведь для того, чтобы грамотно обосновать размер допустимого промыслового изъятия из популяции и контролировать степень воздействия промысла на ее состояние, необходима система регулярных учетов. Очко в пользу противников охоты. В то же время отсутствие точных данных о численности белых медведей не является оправданием для запрета коренным жителям добывать традиционный охотничий вид. Скорее, это упрек государству, неспособному обеспечить исследования собственных природных ресурсов. Очко в

пользу сторонников охоты.

Играет ли белый медведь какую-либо роль в традиционном природопользовании чукчей и эскимосов? Приведу строки, написанные известным исследователем, членом Международной рабочей группы по белому медведю МСОП: «Если раньше морские охотники, чукчи и эскимосы добывали мясо для пропитания, то теперь мясо его опасно употреблять в пищу из-за почти стопроцентной зараженности трихинеллезом. К тому же в традиционной одежде жителей Чукотки, в отличие от гренландских или канадских эскимосов, не использовались медвежьи шкуры. Это серьезный аргумент в пользу прекращения любой охоты на белого медведя. Не должно быть спекуляций на традиционном природопользовании северных народов». Из отрывка ясно, что специалист, неплохо разбирающийся в биологии белого медведя, совершенно незнаком с культурой народов, о которых пишет. Действительно, белые медведи на Чукотке в большинстве своем заражены трихинеллезом, но это не мешает чукчам и эскимосам от мала до велика за обе щеки уплетать мясо и при этом не болеть. Да что там, я сам ел мясо белого медведя и жив-здоров! Дело в том, что белые медведи являются носителем особого менее опасного арктического штамма трихинеллы. Весьма важным является и традиционный способ приготовления их мяса, издавна распространенный по всей Чукотке, при котором мясо нарезают очень маленькими тонкими пластинками и долго варят вместе с кусочками жира и зелени. Длительная тепловая обработка делает мясо безопасным для употребления.

В связи с этим хочется заметить, что голословные утверждения, подобные приведенным выше, лишь дискредитируют идею сохранения белого медведя вопреки благим намерениям их авторов. Журнал, где был опубликован очерк моего коллеги, являлся специальным выпуском, посвященным культуре народов Чукотки. Его разослали по всем национальным селам, и во время моих экспедиций ко мне регулярно подходит то один, то другой охотник с этим журналом в руках и интересуется, почему он и все его односельчане до сих пор не вымерли от регулярного употребления медвежьего мяса. Мне приходится оправдываться как за автора очерка, так и за всю науку в целом. Охотник качает головой, улыбается, и я понимаю, что его доверие к научным рекомендациям подорвано, и теперь убедить его в сокращении численности белых медведей и в необходимости ограничить их отстрел — задача не из легких.

Что касается медвежьих шкур, то, возможно, одежда из них на Чукотке была распространена не так широко, как в Гренландии и Канаде, но все же теплосберегающие и водоотталкивающие свойства этих шкур использовались и используются по сей день. Чаще всего медвежьи шкуры шли на изготовление непромокаемых торбазов, на опушку малахая и кухлянки, налокотники и наколенники для охотничьей одежды, пошив штанов, чижей, рукавиц, на ремни для упряжи и чаата

(аркана). Из них шили полог (спальное место в яранге), их использовали как коврики для отдыха и настилали на нарты, ими укрывали имущество от дождя, «войдали» полозья нарт. На медвежьих шкурах перетаскивали байдары и снаряжение на кромку припая, дети катались на них зимой со снежных склонов.

Но дело даже не в том, шили из шкур штаны или нет. В конце концов продажа шкур, выросшая из меновой торговли береговых жителей с оленными, а позже с русскими купцами, продолжалась в течение столетий и потому тоже может считаться традиционным видом деятельности коренных народов. Куда важнее роль медвежьей охоты в духовной культуре и социальной жизни чукчей и эскимосов, о чем специалисты-биологи и чиновники, ответственные за принятие соответствующих решений, вообще не задумываются. Белый медведь является героем чукотского и эскимосского фольклора. Белые медведи и охота на них составляют львиную долю сюжетов в традиционном косторезном искусстве. Наконец, с охотой на белого медведя связаны религиозные обряды, ритуалы и поверья. Часть из них уже прочно забыта, но некоторые в том или ином виде существуют до сих пор. Анализ сведений, полученных от охотников, вкуче с известными этнографическими описаниями привел меня к парадоксальному выводу: многолетний мораторий на добычу белого медведя при внешне положительном результате оказался в некотором смысле бомбой замедленного действия! Прекращение легальной охоты на белого медведя почти 50 лет назад на фоне общей борьбы с шаманизмом и суевериями привело к невосполнимым утратам в культуре и экологическом мышлении коренных народов Чукотки. Около 60 % поверий, о которых мне удалось собрать информацию среди старшего поколения охотников и которые сейчас почти забыты, имели конкретную направленность на ограничения в охоте. Например, ранее очень важной частью обряда «благодарения» добытого белого медведя было то, что охотник в течение нескольких дней не имел права добыть еще одного зверя, а, принеся голову зверя в дом, занимался «ублажением души» медведя. После запрета на охоту обряд стал торопливо совершаться прямо на месте добычи, а череп оставляют во льдах или топят, и ничто уже не удерживает охотника от добычи любого количества медведей.

Охота на белого медведя (как, впрочем, и на других животных) играет очень важную роль для коренного населения и как социообразующий фактор. Чтобы оценить это значение, нужно хорошо представлять себе принципы построения и развития таких маленьких замкнутых социумов, какими являются национальные села Чукотки. Для их устойчивого существования, как и в любом другом социуме, необходимо социальное расслоение, то есть наличие лидеров, среднего слоя и париев. Поскольку береговые чукчи и эскимосы в течение тысячелетий формировались в первую очередь как общность морских охотников, то именно охота лежит в основе их социальной структуры. Меткие и добычливые охотники становятся лидерами, лентяи и неудачники находятся на обочине социума. Выведение любого промыслового вида (тем более такого крупного, как белый медведь) из процесса использования в таком маленьком однотипном социуме тут

же создает ничем не заполненную лакуну в его жизни и нарушает его нормальное функционирование. Суживается и информационное поле, в котором существуют жители маленьких поселков. Они лишаются целого пласта впечатлений, переживаний, тем для разговоров и обсуждений, наставлений молодым охотникам и т.д. Учитывая высокую степень изолированности национальных сел Чукотки, низкий уровень жизни, при котором коренные жители десятилетиями не выезжают за пределы родного села, можно представить себе, насколько обедняется их социальная и духовная жизнь в результате введения запретов на добычу традиционных промысловых животных. В общем здесь очко, и не одно, в пользу сторонников охоты на белого медведя.

Приведет ли легализация охоты для нужд коренного населения к расширению промысла и быстрому уничтожению чукотско-аляскинской популяции белого медведя? Уже сегодня ситуация опасно близка к критической. И «краснокнижный» статус белому медведю в нынешних условиях, увы, не помогает. Вероятно, я сейчас выскажу крамольную мысль, но мне кажется, что в нынешних экономических условиях при явной непопулярности природоохранных идей в России подобные запреты иногда лишь усугубляют положение редких животных. Если потенциально промысловый зверь занесен в Красную книгу и от него нет «экономического эффекта», правительственные структуры и местные власти теряют интерес к нему, не выделяют денег на исследования и контроль, и мы, по сути, лишаемся любых сведений о состоянии популяции. При наличии же ограниченного промысла появляется целый ряд заинтересованных структур, готовых профинансировать научные исследования и контроль за популяцией. Особенно это заметно в тех случаях, когда такой промысел имеет некую политическую подоплеку. Далеко за примером ходить не надо — те же чукотские охотники для своих нужд добывают «краснокнижных» серого и гренландского китов по квоте Международной китобойной комиссии. Соответственно к китобойному промыслу на Чукотке приковано внимание множества людей и организаций. Исследования китов и контроль их промыслового использования регулярно финансируются Министерством природных ресурсов, Государственным комитетом по рыболовству, Министерством сельского хозяйства, правительством Чукотки, а также разнообразными фондами и общественными организациями, поэтому будущее серого и гренландского китов не вызывает опасений.

Легализация охоты на белого медведя при правильной постановке дела может привести к схожему результату. В 2000 г. было подписано Соглашение между правительствами России и США о сохранении и использовании чукотско-аляскинской популяции белого медведя, которое предусматривает совместное управление популяцией путем создания российско-американской комиссии. Соглашение долго не вступало в силу, поскольку лишь в 2004 г. было ратифицировано Сенатом США. Уже несколько лет ведется подготовка аналогичного договора между коренными народами Чукотки и Аляски. Можно надеяться, что решения, принятые на международном уровне, привлекут средства для научных исследований, мониторинга и контроля за соблюдением правил

ОХОТЫ.

Даже если предположить, что каким-то чудесным образом будут изысканы средства для борьбы с нелегальным промыслом, но при этом запрет на охоту для коренного населения сохранится, вряд ли удастся искоренить браконьерство или хотя бы значительно снизить его пресс. В этом случае охотники просто станут более осторожными, только теперь ко всему добавится еще и обида на государство и науку, и мы потеряем возможность получить даже такую информацию, какую удалось собрать мне в последние годы. А чтобы поймать хоть одного охотника с поличным, придется содержать настоящий спецназ, вооруженный по последнему слову техники, что имеет мало общего с реальностью.

Не надо забывать, что немало эскимосов и чукчей за последнее десятилетие побывало на Аляске, а некоторые — в Канаде и Гренландии. Они прекрасно знают, что там никогда не прекращался промысел белого медведя коренным населением, и нигде от этого белый медведь не исчез. Этот аргумент наряду с культурным и пищевым значением охоты на белого медведя постоянно звучит в устах лидеров коренных жителей Чукотки. Поэтому только легализация аборигенного промысла позволит преодолеть внутреннее сопротивление охотников и заставит их задуматься над проблемой сохранения белого медведя как своего промыслового ресурса.

Ясно, что само по себе открытие охоты на белого медведя не предотвратит угрозу истребления чукотско-аляскинской популяции, а лишь подготовит благоприятную почву для решения этой проблемы. Официальный промысел будет строго лимитирован в пределах допустимого изъятия и ограничен в рамках российско-американского Соглашения. Этот лимит на первых порах не будет превышать 100 особей, из которых около половины придется на долю эскимосов Аляски. Таким образом, чукотским охотникам надо будет сократить добычу в 4—5 раз, однако автоматически этого не произойдет. Базовый документ для регулирования промысла уже существует — это «Правила охраны и промысла белых медведей в Чукотском автономном округе», черновой вариант которых был разработан еще в 2001 г. при участии автора этих строк. Механизм же их соблюдения еще предстоит разработать и претворить в жизнь.

Одной из важных его составляющих должна быть легальная продажа шкур, добытых по именным лицензиям и снабженных сертификатами. При этом необходимо продумать систему маркетинга, которая позволит охотнику значительно большую прибыль, нежели в случае нелегальной добычи. Только ощутив на себе выгоду официальной охоты, охотники будут заинтересованы в том, чтобы медведей было много

и добыть их было несложно. Поскольку лицензии будут распределяться в первую очередь среди наиболее авторитетных охотников, лидеров, то они будут стремиться к тому, чтобы самостоятельно навести порядок в своих селах и снизить пресс браконьерства. К такому убеждению я пришел после неоднократных бесед на эту тему со многими активными охотниками.

По условиям российско-американского Соглашения коренные жители не вправе продавать шкуры, но такое условие, вероятно, применимо только к Аляске, где уровень жизни в национальных селах несравнимо выше, чем на Чукотке. Поэтому надо попытаться убедить американских коллег признать контролируемую продажу шкур белого медведя на Чукотке, хотя бы на первых порах, в виде эксперимента. Для этого необходимо предусмотреть наличие в селах маркировщика, который одновременно должен отвечать за протоколирование и сбор биологических образцов от каждого добытого медведя. То есть нужно ввести в действие программу промыслового мониторинга, поддерживаемую на государственном уровне.

Необходимым является участие представителей из числа охотников во всех совещаниях по белому медведю, особенно при принятии каких-либо решений, ограничивающих промысел. Только вовлечение охотников в процесс управления популяцией поможет им осознать степень своей ответственности за используемые живые ресурсы. На Аляске сумели добиться немалых успехов в этом направлении. В этом можно убедиться, наблюдая работу Аляскинской комиссии по белому медведю «Нануук». Специалисты Службы рыбы и дичи постоянно присутствуют на встречах комиссионеров из национальных сел Аляски, рассказывают о научных исследованиях белого медведя, приводят данные о состоянии популяции, обсуждают вопросы охраны и промысла. Нам этому надо поучиться. В таких тонких вещах, как проблемы традиционного природопользования, следует избегать декларативности и менторского тона, иначе специалисты не будут пользоваться доверием коренных жителей.

Уже сейчас нужна организация широкой просветительской кампании в защиту белых медведей посредством издания книг, буклетов, постеров, календарей, видеокассет и т.п. Коренные жители должны видеть, что белый медведь постоянно находится в центре внимания, и понимать, что судьба этого зверя небезразлична государству.

И все же без усиления режима охраны ключевых местообитаний белого медведя и борьбы с браконьерством обойтись не удастся. Здесь необходимо плотное взаимодействие всех природоохранных и правоохранительных структур — от Комитета природных ресурсов и инспекций охот- и рыбоохраны до милиции, ФСБ и

пограничников. Упор нужно делать как на выявление и пресечение случаев нелегальной добычи, так и на разрушение сложившейся сети нелегальной торговли шкурами. При официальном признании права аборигенов добывать белых медведей и участвовать в популяционном менеджменте, при доброжелательном сотрудничестве ученых, охранников, чиновников и охотников любые меры охраны будут восприниматься коренным населением уже не в качестве репрессий, ущемляющих их права, а как помощь государства в сохранении традиционного промыслового вида.

Наконец, решающее значение имеет степень благосостояния коренного населения. Если экономика Чукотки вновь вернется к уровню середины 1990-х годов, вероятность сохранения чукотско-алюсской популяции белых медведей будет сведена к минимуму. Никакие эколого-просветительские проекты, никакие штрафы и наказания не окажут воздействия на нищих и голодных людей.

В XXI в. существование белого медведя на Чукотке оказалось под угрозой. Если оставить все как есть, то у него будет мало шансов на выживание. Но теплится надежда, что люди спохватятся и сделают все от них зависящее, чтобы эту угрозу предотвратить. И, возможно, наши потомки еще долго будут любоваться этим красивым и удивительным зверем, по праву ставшим живым символом Арктики.